

КРИСТОФ ВУЛЬФ¹

МИМЕТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ВООБРАЖЕНИЯ

Перевод *Евгения Доброва*²

Абстракт

¹ *Кристоф Вульф* — профессор антропологии и теории образования, член междисциплинарного Центра исторической антропологии, Объединенного исследовательского центра (SFB, 1999—2011), коллегии «Инсценирования тела в культуре», Кластера дополнительного образования «Языки эмоций» (2007—2012) и магистерской программы «InterArts» в Свободном университете Берлина. Его книги были переведены более чем на 15 языков. Является вице-президентом Германской комиссии ЮНЕСКО. Приглашенный профессор Стэнфордского Университета, университетов Токио, Киото, Пекина, Шанхая, Майсура, Дели, Парижа, Лиля, Страсбурга, Модены, Амстердама, Стокгольма, Копенгагена, Лондона, Вены, Рима, Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Сан-Паулу. Основными направлениями исследования являются: историческая и культурная антропология, антропология образования, ритуалы, жесты, эмоции, воображение, межкультурная коммуникация, мимесис, эстетика, эпистемология. Кристоф Вульф — редактор, соредатор и член редколлегии ряда международных журналов, в том числе член Международного редакционного совета *Aesthetica Universalis*.

² *Евгений Добров* — аспирант кафедры эстетики философского фа-

Маленькие дети учатся создавать смысл окружающего их мира через миметические процессы. В начале эти процессы сфокусированы на их родителях, братьях, сестрах и прочих знакомых детям людям. Дети хотят быть во всем им подобными. Ими движет желание стать во всем похожими на своих близких, что будет означать, что дети обретут свою принадлежность в круге этих людей, станут частью их мира. Маленькие дети, как и люди в целом являются существами социальными. Люди в большей степени, чем прочие приматы, являются социальными существами, которые не могут выжить без Другого. В миметических процессах внешний мир становится миром внутренним, а внутренний, в свою очередь, — внешним. Воображение развито и развивает способы связи с внешним миром. В миметическом цикле это влияет на внутренний мир воображения. Эти процессы — процессы чувственные, и управляются они желанием. Все чувства вовлечены, из чего следует, что воображение имеет множество уровней. Так как существует смешение образов, эмоций и языка, эти процессы укореняются в организме, но, вместе с тем, выходят за его пределы, когда становятся частью воображения. Люди создают свои образы на протяжении всех исторических эпох и в пространствах всех культур. Им необходимы эти образы, чтобы понимать себя и взаимоотношения с другими людьми и чтобы упрочить социальные связи и группы. Образы человека являются абрисами и проекциями человека и его или ее отношения с другими людьми и с миром. Они оформляются чтобы визуализировать репрезентации индивидов или их отдельные аспекты. Они возникают тогда, когда мы сообщаем о себе какую-либо информацию. Они поддерживают нас, позволяя жить в пространстве культурных различий и развивать

культета МГУ имени М.В.Ломоносова, член редакционной коллегии Aesthetica Universalis, mar_vin1@mail.ru

сходства и чувства принадлежности к другим людям. Эти образы являются результатом комплексных антропологических процессов, в которых социальная и культурная иерархия играет важную роль.

Ключевые слова

Мимесис, образы, воображаемое.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
МИМЕТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Маленькие дети учатся создавать смысл окружающего их мира через миметические процессы. Эти процессы сфокусированы вначале на их родителях, братьях, сестрах и хорошо знакомых детям людях. Дети хотят быть во всем им подобными. Ими движет желание стать во всем похожими на своих близких, что будет означать, что дети обретут свою принадлежность в круге этих людей, станут частью их мира. Маленькие дети, как и люди в целом, являются существами социальными. Люди в большей степени, чем прочие приматы, являются социальными существами, которые не могут выжить без Другого. За этим стоит несколько антропологических состояний.

Одним из них является неотения, или факт того, что человек рождается в эмбриональной стадии своего развития. Другими словами, люди появляются на свет в своем незавершенном состоянии. Их развитие начинается одновременно с началом их жизни. С момента рождения детям необходимы окружающие их близкие — люди, на которых они сосредотачивают свои желания, люди, на которых они равняются. В отличие от других приматов и животных, человеческие дети не определяются своими инстинктами. Они наделены лишь остаточными инстинктами, не способными обеспечить их выживание, если они не будут находиться подле своих близких.

Мы способны ясно увидеть это, сравнив младенца и жеребенка. Жеребенок автономен в своем выживании спустя лишь несколько часов после рождения, в то время как должны пройти годы, прежде чем человек достигает подобной стадии. Неотения и затухание инстинктов неразделимо связаны. Это объясняет тот факт, почему люди способны схватывать «конкретное» (Sosein) в феноменах (это отмечается и философской антропологией), другими словами, мир, в то время как животные могут воспринимать окружающую их среду только через инстинкты (Wulf 2013a, chap. 2).

Именно через миметические процессы дети совершают свои первые исследования мира. Таким образом, этот процесс не сводится только к желанию детей стать похожими на окружающих их людей, но является способом познать окружающий мир миметически. Эти ранние процессы восприятия мира, столь важные для развития воображения, в большинстве своем имеют миметическую природу. Иначе говоря, на ранних стадиях развития дети активно взаимодействуют с миром. И в это взаимодействие они включают объекты, принесенные чаще всего теми же людьми, которым они подражают. Например, дети подражают тем движениям, которыми взрослые дают им бутылочку чая. Дети воспринимают объект «бутылочка» и «чай», а также движения, которыми их любимый человек дает им попить. Как только дети миметически «присваивают» себе способ, коим любимые ими взрослые дают им чай, они чувствуют и присваивают одновременно и акт давания, и ту теплоту и заботу, с которой это действие происходит. Как только дети воспринимают действие, образуется взаимодействие между объектом (бутылочкой), способным утолить их жажду, и присвоением ребенком эмоционального аспекта данного действия, заботы. С ранних лет дети воспринимают подобные процессы. На этой стадии именно рецептивный аспект становится основным. Взрослые выполняют действия, а дети их воспринимают. Уже через несколько месяцев ситуа-

ция меняется: действующая сторона восприятия ставится во главу угла. Очень рано восприятие мира ребенком переводится на социальный уровень. Поскольку средою для этих процессов является культура, ребенок уже на ранних стадиях развития вовлекается в культуру. Это происходит посредством движений и действий окружающих ребенка людей, людей ему близких. Движения несут смыслы, даже если эти смыслы еще не облечены в слова. Дети понимают жест приносящего ему чай (Wulf, and Fischer-Lichte 2010). Данный жест содержит в себе смысл, смысл вербально не выраженный. Смысл несет движение тела, ведомого чувствами, воспринимаемыми ребенком, которые чуть позже он начинает воспроизводить через миметический процесс (Gebauer, and Wulf 2018).

Именно через миметический процесс дети обнаруживают смысл жестов, смысл имплицитный, зачастую не нуждающийся в вербальном сообщении именно потому, что он уже передан посредством тела. Подобные жестовые действия — часть нашего невербального знания, столь важного в жизни человека, но которое так мало ценится в сравнении с научным знанием, столь почитаемым обществом (Kraus, Budde, Nietzge, and Wulf 2017). Райл четко определяет различную природу знания, манифестирующего себя в телесных движениях, через разграничение между введенными Райлом терминами «зная, как» и «зная, что» (Ryle 1990). Обучение езде на велосипеде является яркой иллюстрацией различия этих видов знания. Человек может прочитать целые трактаты о том, как кататься на этом виде транспорта, но помощи от этого будет немного. Обучение езде на велосипеде почти не включает «зная, что», но полагается на «зная, как». Человек должен постичь езду, но постичь на практике, используя свое тело. Другого пути усвоения этого знания не существует. Это знание в большей степени является способностью. И здесь именно миметическим процессом является постижение езды на велосипеде. Процес-

сом, который полагается на опыт других людей, но, в первую очередь, связан с опытом собственного тела, с его движениями. Это своеобразный мимесис нас самих, при котором мы развиваем миметические взаимоотношения с нашим собственным поведением для того, чтобы его улучшить.

Вернемся к миметическим процессам, через которые дети развивают воображение. Еще до года ребенок способен понимать намерения его близких. Например, когда кто-то указывает на что бы то ни было, ребенок прослеживает сам жест, не останавливая свое внимание только на указывающем пальце, но понимая цель, объект этого указывания (Tomasello 1999). Становится очевидным, что годовалые дети начинают использовать миметические процессы для наделения мира смыслом и постепенной трансформации этого смысла в своем воображении. Посредством миметических процессов внешний мир становится для них миром внутренним. По причине того, что невербальные действия адресуются субъектом объекту, жесты играют важную роль в перенесении эмоциональной заботы и привязанности. Это происходит потому, что они сами по себе являются демонстративными и, в то же время, направлены напрямую на другого человека. Через миметический процесс жесты передают позитивные социальные взаимоотношения и отношения к объектам мира в пространстве культуры. Эти два аспекта сочетаются в пределах детского воображения в миметическом процессе, создавая комплексное сопряжение культурных объектов (к коим можно отнести бутылочку), акт заботы от взрослого и значение этого взаимодействия для ребенка.

В своей автобиографии «Берлинское детство на рубеже веков» Вальтер Беньямин (2006) иллюстрирует, как дети включают окружающее их культурное пространство в процесс ассимилирования. В ходе этого процесса дети усваивают элементы школы-интерната, такие как комнаты, осо-

бенные углы, другие ее объекты и саму атмосферу. Все эти объекты становятся «оттисками» образов и наполняют воображаемый мир ребенка, где впоследствии они трансформируются в новые образы и воспоминания, способные помочь ребенку получить доступ к другим культурным пространствам. Культура ощущается через данные процедуры взаимодействия и наделения смыслом продуктов культуры. Миметическая способность, трансформируя внешний материальный мир в его образы, перенося их в наш внутренний мир и делая их доступными для окружающих, позволяет людям развивать их воображение и интенсивно придавать форму культурным реалиям (Gebauer, and Wulf 1998, 2018; Wulf 2002; Wulf, and Zirfas 2014).

Уже в годовалом возрасте дети через свою высокую активность развивают важную способность впитывать окружающий их мир посредством миметических процессов. Способность детского тела передвигаться играет в этом существенную роль. Это физическое движение позволяет им изменять взаимодействия с объектами внешнего мира. Их точка зрения по отношению к миру меняется при их движении. Это относится к тем углам, где объекты воспринимаются в большей степени через телесное соприкосновение с миром. Мир находится в соприкосновении с рукой ребенка, а чаще всего — со всем его телом. С постепенным ощущением понимания мира вокруг них, дети воспринимают два момента. Первым из них является активный чувственный опыт касания объектов. Одновременно это приносит понимание и того, что мир через прикосновение к нему отвечает на этот контакт. Теперь ребенок начинает ощущать различия материальных объектов и воспринимать мир вне этих объектов. Подобный двойной опыт прикосновения к объектам и ощущения их прикосновения обладает крайней важностью в формировании первых базовых составляющих индивидуальности ребенка и смысла этой индивидуальности. У ребенка теперь есть опыт активного и пассивного взаимо-

действия с окружающей средой, опыт, который характеризует миметические процессы. Дети касаются мира и касаемы им в ответ. Этот процесс становится циклическим: ребенок узнает мир, а мир узнает ребенка. Невозможно переоценить, как это важно для формирования детского воображения.

Через миметические процессы внешний мир становится миром внутренним, а внутренний — внешним. Воображение формируется и формирует связи с внешним миром. И вновь в миметической петле это формирование влияет на внутренний мир, мир воображаемого. Этот процесс оперирует к чувственному и управляется желанием. Все чувства вовлечены, что означает следующее: у воображаемого есть множество слоев. По причине того, что образы переплетаются в своем многообразии с эмоциями и языком, эти процессы укореняются в теле и в то же время превосходят телесность, становясь частью воображаемого (Wulf 2014; Nürpau, and Wulf 2009; Paragrana 2016).

Когда мы читаем литературные труды, именно миметические процессы приводят к жизни каскад неоощущаемых слов, превращая их в чувственные идеи и эмоции, наделяя их смыслом (Benjamin 1980a, 1980b). То же самое происходит и с другими продуктами культуры — для их «оживления» также требуются миметические процессы. Подобные процессы представляют собой крайнюю важность в перенесении воображаемого культуры от одного поколения к следующему, именно потому, что данные процессы требуют превращения для поддержания форм жизни, знания, искусства или технологии в действии. Так как миметические процессы — методы не простого копирования или воспроизведения миров, которые уже были символически проинтерпретированы, но также собирания и смешения «ощущений» этих миров, то данные миметические взаимоотношения всегда содержат творческие аспекты, переделывающие оригинальные миры. Это создает культурную динамику между поколениями

и культурами, постоянно дающими рост новых объектов.

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НЕЗРИМОГО

Характеристикой миметического является процесс перенесения образов внешнего мира в наше воображение. Наше воображение конструирует образы, формирующие внешний мир (Wulf 2018). Данные образы включают в себя и те, что мы формируем о нас самих, те образы, которые и через которые мы пытаемся понять себя. Представители каждой культуры создавали образы себя на протяжении всех исторических периодов. Люди нуждаются в образах, чтобы через них общаться друг о друге, чтобы понимать друг друга. Образы человека представляют собой абрисы и проекции человека. Они формируются для того, чтобы визуализировать репрезентацию человека или же индивидуальный аспект личности. Репрезентация есть упрощение человеческого разнообразия и сложности в форме иллюстративного материала. Как показала дискуссия о статуе Лаокоона, в этих репрезентациях изображен некий «продуктивный момент». Историческое развитие и интерпретационные варианты не представлены таким иконическим «продуктивным моментом». Эта особая природа образа имеет своими основаниями концентрацию на одном моменте, а также на предполагаемом свидетельстве, но это и обнаруживает ограниченность иконической репрезентации. Человеческие образы всегда упрощения, что, несмотря на их простоту, не мешает им быть в крайней степени эффективными. Мощные социальные структуры, подчас столь сложные для понимания и различения, напрямую вплетаются в конструкции человеческих образов. Человеческие образы — результат дифференцированных инклюзивных и эксклюзивных процессов. Желания, нормы, ценности соотносятся с человеческими образами. Данные образы своей целью имеют нормализацию людей. Социальные и куль-

турные институты, так же, как и религии, утопии, взгляды на мир, используют человеческие образы для отображения их концепций человека и встраивают свои идеи в воображаемое и действия людей.

Подобные человеческие образы ярко выражены. Возьмем для примера древнегреческую скульптуру. В античных статуях выражается идеал добра и красоты, калокагатия, единение красоты физической и красоты душевных качеств. Также и в христианском Средневековье присутствуют человеческие образы, в коих репрезентируется человек набожный и благочестивый. «Библия бедных» (*biblia pauperum*) в средневековых церквях и храмах четко это иллюстрирует. Мы можем найти репрезентации набожных людей стратифицированно соотносящихся со статусом монахов, дворян, крестьян, при этом социальные иерархии здесь также отражены. Национализм XIX и первой половины XX веков может предоставить нам многочисленные примеры идеализированных «германцев» или «французов», ставших ролевыми моделями для образования и добропорядочной жизни. Советский и восточноевропейский социализм также пытался внедрить сходные человеческие образы в воображение молодого поколения. Сегодня же Европейский Союз также прилагает усилия для достижения образов свободного и независимого демократического гражданина как модели человеческого образования и развития в Европе (Wulf 1995, 1998).

ОБРАЗ САМОДОСТАТОЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

В 2015 году закончился период осознания ориентиров для нового тысячелетия, нацеленных главным образом на устройство развивающихся стран, за время которого были заметно снижены голод и безграмотность во многих странах мира. После этого периода Содружество наций интенсивно работает над созданием устойчивых целей (кото-

рые были оговорены на Мировом саммите осенью 2015 года). В рамках этого процесса присутствует философский и антропологический анализ этических вопросов, ассоциируемых с самодостаточностью (устойчивостью), развитие и обсуждение осуществимости целей самодостаточности, разъяснение концептов системности аргументации и методического и аргументационного подхода. Развитие устойчиво только тогда, когда «оно осуществляет сохранение жизни настоящего поколения без ущемления возможности будущих поколений сформировать свою жизнь» (ДУК 2014). Ориентиры устойчивости соотносятся с ее определением и напрямую связаны с культурой мира и прав человека, культурными различиями, демократическим участием и правилами закона. Культура устойчивого развития необходима для трансформации экономики и общества. Ориентированные на будущее модели, идеи, нормы и формы знания требуются для экономического и общественного развития. Это должно быть дополнено развитием и устойчивых ценностей, и, вместе с тем, соотносящихся представлений и способов жизни. Также здесь большую роль играет и образование в рамках устойчивого развития. Без него невозможен старт (инициация) независимой деятельности. Международное сообщество государств пытается найти такой человеческий образ, на котором бы сошлись взгляды всех обществ и культур, и который мог бы охватить культурные различия в единую модель поведения. Пока непонятно, возможен ли вообще подобный образ, и способен ли данный образ разрушить все культурные различия во всех странах света. Также есть обоснованные сомнения в том, будет ли (и если будет, то в какой степени) возможно использование подобных образов для разделения на уровни географических регионов мира по их различиям без культивирования напряжения между ними.

РАЗВИТИЕ И СИЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Почему мы предполагаем, что человеческие образы и образы, производимые человеком, столь эффективны? Почему столь сильное влияние данные образы имеют на развитие обществ, групп и отдельных личностей? Я полагаю, что этому есть три нижеизложенные причины:

1) Изучение культур предполагает использование миметического процесса, другими словами, процесса творческой имитации (Wulf 2013a; Gebauer and Wulf 2018, 1998). Образы играют в этом важную роль. Они включают в свое собрание образы других людей, образ живой окружающей среды и человеческие образы, систематически наблюдаемые в синтетических процессах. Человеческие образы предоставляют ориентиры и значения. Когда вы делитесь ими с другими людьми, такие образы обеспечивают вас чувством принадлежности и единства. Именно здесь и возможно обнаружить устойчивость данного эффекта. Образы не принимаются легко, но ими делятся и распространяют их вместе с другими людьми и их интерпретациями. Они обнаруживаются в активных и языковых играх. В отличие от инстинктов животных, образы исторически и культурно определены и могут меняться.

2) Человеческие образы обладают сильным влиянием, по причине того, что они обнаруживаются уже с детства и дают ощущение принадлежности к обществу. Они заполняют воображаемое и становятся частью воображения. Они влияют на наше мироощущение, понимание культуры и других людей и даже на восприятие нас самих. Человеческие образы становятся частью человека и его воображения и влияют на его эмоции. Они повторяются и консолидируются посредством ритма и ритуалов перехода. Подобно растениям, имеющим пространную корневую систему, частные и общие человеческие образы зафиксированы в воображе-

нии и достигают эффекта благодаря их связи с уже существующими идеями и образами (Hürpau, and Wulf 2009).

3) Как образы воображения и воображаемого, так и человеческие образы становятся частью тела человека (Wulf 2018; Pragrana 2016). Они являются врожденными, а в связи с этим их тяжело изменить. Часто они состоят не только из индивидуальных образов, но также из чередования картинок, даже из своеобразных сетей картинок, в которые подчас «захватываются» гетерогенные и даже парадоксальные образы. В итоге, существующие человеческие образы постоянно подтверждаются, а их важность усиливается (Wulf 2014).

МИР СТАНОВИТСЯ ОБРАЗОМ

Характеристикой современности является факт того, что мир противоположен человеку и воспринимается как объект или образ. В древние времена люди, животные и окружающая их среда были частью живой природы, фюзиса (the *Physis*). В большинстве своем они воспринимались как нечто схожее. Их стимулировали сила, динамика природы, фюзис. Эти взаимоотношения человека и мира поддерживаются в Средние века. Животные, люди и мир созданы Богом и имеют общую тварность. В эпоху Нового времени эти отношения — отношения (западного) человека к миру, к другим людям и к самим себе — также меняются. Природа более не воспринимается как одушевленное. Она становится объектом. Люди уже не являются частью природы, и мир не создан Богом. Человек противопоставляется им. Природа и Бог наделяются статусом «объекты». В ходе этого процесса мир становится образом. С развитием новых образов эта тенденция только увеличивается. Уже не только мир и другие люди воспринимаются как образы, но мы сами чаще всего воспринимаем нас самих образами. Широко распространенное использование цифровой съемки в повседнев-

ной жизни и в особенности селфи только подтверждают это (Kontopodis, Varvantakis, and Wulf 2017). Используя электронные фото или видео, мы создаем все важные события, и, в конечном счете, создаем образ нас самих (Wulf 2013a, 2013b).

Человеческие образы демонстрируют главную роль образов, а с ними и роль воображения и воображаемого мира, в становлении человека и его образовании. Благодаря ним также становится понятно, как сильно образы разделяются по их историческому и культурному характеру, и как важно их исследование в антропологическом ключе. Человеческие образы — образы, создаваемые человеком о себе самом, их значимость должна быть понята через восприятие мира этим человеком, через его воспоминания и представления о будущем. Они создаются социальными и культурными практиками повседневности и искусства. Человеческие образы становятся частью коллективного и индивидуального социального и культурного воображаемого мира и, таким образом, принимают участие в формировании человеческой деятельности. Создание образов — черта, присущая всем людям. Однако формы, принимаемые образами, различаются от культуры к культуре, от одного исторического периода к другому. Как только образы и воображаемый мир визуализируют что-либо, что в противном случае оставалось бы незримым, их исследование становится важным для антропологии.

То, что мы описываем как «образ», отличается, означая, что спектр этого термина широк и требует более подробной классификации. Подчас мы имеем в виду результат визуального восприятия как процесса. Под влиянием нейронаук и их стратегий визуализации, результат восприятия вне зависимости от воспринимающих органов чувств может быть описан словом «образ». Далее можно говорить о ментальных, или «внутренних» образов, сводимых к тем образам, что *de facto* не представлены. Например, к ним можно отне-

сти образы воспоминаний, восприятие которых может разниться из-за их беспредметности. То же касается зарисовок и скетчей, изображающих некие ситуации из будущего, снов, галлюцинаций и видений. Множество эстетических продуктов также находят форму образа. Они представляют собой продукты процесса, нацеленного на сотворение образа. Метафоры, например, являются чаще всего конституирующими элементами языка. Создание образов, узнавание образов в качестве образов, работа с образами, в которой задействовано чье-либо воображение, все это — универсальная способность человека (Wulf 2014, 2018). Однако и эта способность разнится от одного исторического периода и культуры к другим. Как мы видим и какие образы мы видим определяется комплексом исторических и культурных процессов. Уникальная природа, история наших жизней и субъективность также напрямую влияет на восприятие нами образов и работу с ними.

Что характерно для всех образов, характерно и для человеческих образов как результата различных динамических процессов. Они преобразуют мир объектов, действий и других людей в образы. Используя воображение, они воображаются и становятся частью коллективного и индивидуального воображаемого мира. Многие из этих процессов имеют миметический характер, ассимилируются с другими людьми, средой, идеями и иными образами. Через миметический процесс внешний мир становится миром внутренним, то есть, миром образов (Gebauer and Wulf 2018. 1998). Мир воображаемых образов участвует в формировании внешнего мира. Являясь перформативными, эти образы вступают во взаимодействие с насущной действительностью, продуктами и демонстрацией наших взаимоотношений с другими людьми и окружающим миром. Воображаемый мир — место образов как таковых, пункт назначения для процессов воображения, создающих образы. В то же время это начальная точка миметической и перформативной энергии образов

ОБРАЗ И ВООБРАЖЕНИЕ

Язык в той или иной степени является воображением, *conditio humana*, Человеческой ситуацией, чье основание лежит на устройстве человеческого тела (Adorno 1984; Belting 2001; Hürppauf, and Wulf 2009; Wulf 2013b, Wulf 2018). Перформативность или, другими словами, хорошо скоординированная человеческая деятельность является последствием принципиальной открытости и роли, которую воображение проигрывает в форме этой открытости. С ее помощью вплетаются прошлое, настоящее и будущее. Воображение создает особый мир человека, социальный и культурный, символический и воображенческий. Оно создает человеческие образы. Оно делает возможными историю и культуру и, при этом, историческую и культурную разобщенность. Воображение создает мир образов и воображаемого и вовлечено в создание телесных практик. Не только узнавание этих практик требуется для их производства и демонстрации. В реальности они должны быть взаимосвязаны и быть частью практического, основанного на телесном, имплицитного знания, чей динамический характер делает возможными социальные и культурные перемены и проекты. Здесь миметические процессы, основанные на воображении, носят первоочередную важность. Изучение культуры также присутствует в данных процессах, создающих социальную и культурную идентичность, являющуюся центральной предпосылкой для счастья и довольства.

Воображение обладает характером насущной необходимости не только в глобальном искусстве. Оно играет важную роль в формировании вида *Homo sapiens sapiens* и его культур.

Первыми эстетическими объектами, выполненными с неким творческим замыслом, можно назвать костяные орудия, которым по датировкам примерно 700 тыс лет (Wulf

2014). Люди получили доступ к миру, а мир получил доступ к «внутреннему» человеку через использование человеком воображения для формирования образов.

Можно различать образы магические, репрезентативные и симулирующие. Магические образы не обладают отсылочной связью; они *являются* тем, что они изображают. Статуя «Золотого тельца» является священным предметом; даже часть тела, ее остаток, принадлежащий священному телу, является священным предметом. Ситуация отличается для репрезентативных образов, которые чаще всего базируются именно на миметических процессах. Они отсылают к тому, что они изображают. Симулирующие образы — образы, которые стали возможными в рамках новых процессов электронных медиа, и теперь они играют все более важную роль в жизни людей. Важна разница между воспринимаемыми и ментальными образами. Каждая презентация является выражением того, что некий объект отсутствует. Это является очевидным для воспоминаний о прошлом и проекций в будущее. Воспринимаемые образы основываются на существующих объектах и влияют и на воспоминания, и на проекции.

Патологические образы, видения и сны также отличаются и от воспринимаемых образов, и от образов воспоминаний. Во всех случаях воображение включено в создание образов. С помощью воображения возникают ментальные или «внутренние» миры образов, в которых эмоции способны кристаллизоваться. Динамика воображения объединяет людей и создает смысл этого объединения. Ее игровой характер создает связи между образами, и уже новые образы могут появляться на свет.

МИМЕСИС И ВООБРАЖАЕМОЕ

При помощи миметических процессов отдельные личности, группы и целые культуры создают воображаемое. Это может быть осмыслено как материализованный мир об-

разов, звуков, прикосновений, запахов, вкусов. Предпосылкой является факт того, что люди воспринимают мир способом, испытывающим серьезное влияние как истории, так и культуры. Это создает реальность. И в то же время, реальность помогает воображению создавать образы. Образы воображения обладают динамичным характером, структурирующим восприятие, воспоминания и будущее. Система связей образов следует диалектическим и ритмическим движениям воображения. Не только повседневность, но также и литература, искусство и перформативное искусство получают доступ к неисчерпаемой памяти образов. Некоторые из них представляются стабильными и едва изменчивыми. Напротив, другие являются субъектом исторических и культурных перемен. Воображение обладает динамикой символов, постоянно создающей новые смыслы и использующей образы с целью создания этих смыслов. Интерпретации мира развиваются, используя созданные воображением образы (Hürpau, and Wulf 2009; Wulf 2018).

В противоположность распространенному использованию концепта воображаемого, Жак Лакан в первую очередь подчеркивает в воображаемом его характер заблуждения. Желания, потребности и страсть играют основную роль в этом, из-за чего люди не могут вырваться за пределы воображаемого. Для них нет прямого пути в реальный мир. Как говорящие сущности, люди могут только развивать изломанные взаимоотношения с реальным миром через символический порядок и воображение. С его помощью они могут попытаться удержать свою собственную почву против сил воображаемого. «Социально-эффективное воображаемое есть внутренний мир, обладающий мощной тенденцией полностью схлопнуться и развиваться до некоторых размеров бесконечной имманентности. Напротив, человеческая фантазия, воображение, представляет собой единственную силу, способную держать открытым схлопывающееся пространство и временно превысить ее,

потому что воображение имеет идентичную безграничному феномену времени природу» (Kamper 1986, p. 32f.). Этот непреодолимый характер воображаемого создает границы человеческой жизни и развития способностей. Это разъяснение непреодолимости воображаемого очень важно. Оно дает понимание лишь части смыслового ряда, описывающего разнообразие и амбивалентность культурного визуального знания, согласно мнению, выраженному здесь.

Воображение обладает мощной перформативной силой, производящей и преобразующей социальные и культурные действия. Воображение помогает создавать воображаемые миры, включающие содержащиеся в памяти образы, образы прошлого и будущего. Используя миметические движения, мы можем уловить иконический характер этих образов. В процессе репродуцирования образного характера образы проникают в воображаемое. Являясь частью ментального мира, они отображают мир внешний. Какие образы, структуры и модели станут частью воображаемого, зависит от множества факторов. В этих образах присутствие и отсутствие внешнего мира неразделимо вплетены. Образы, появляясь на свет из воображаемого, переносятся от воображения к новым контекстам. Образные сети развиваются, благодаря чему мы трансформируем мир, благодаря чему определяется наш взгляд на этот мир.

Перформативный характер воображения обеспечивает тот факт, что образы социального поля станут определяющей частью воображаемого (Wulf and Zirfas 2007). Иерархичность социальных отношений и социальных структур здесь также представлена. Многие из этих процессов проникают своими корнями в детские воспоминания людей и занимают место на обширных пространствах бессознательного. Восприятие социальных групп и их взаимоотношений уже изучены за это время. Эти самые ранние визуальные опыты и итоговые образы сыграли важную, незаменимую роль в визуальном понимании мира. Осмысленное наблюдение

за социальными актами возникает через тот факт, что влияющие на жизнь исторические и культурные диаграммы и ментальные образы играют роль в восприятии каждого. Мы наблюдаем социальные действия и связываем их с восприятием этих действий. В результате они становятся все более значимыми для нас. Если действия других направлены на нас, возникает импульс связать взаимоотношения между объектом и субъектом. Ответ от нас так или иначе ожидается. В каждом отдельном случае какие-либо взаимоотношения формируются, для этого формирования образы создают важную предпосылку. Мы начинаем действие и не совершаем действия в зависимости от ожиданий публики, будь то это наш ответ ожиданиям, их преобразование или противопоставление им. Наши действия миметичны в меньшей степени из-за их упрощения, но в большей степени из-за созданных соответствий. Внедренные в действие, мы воспринимаем действия других и сам акт миметически.

ПЕРСПЕКТИВА

Наше воображаемое создается главным образом через миметические процессы, которые, в свою очередь, также пользуются образами воображения для формирования внешнего мира. Человеческие образы являются ключом к нашему пониманию себя. Они не поддаются упрощению. Они возникают потому, что мы общаемся о нас самих и должны развивать сходства и чувства принадлежности к другим людям. Они являются результатами комплекса антропологических процессов, в котором социальные и культурные иерархии играют важную роль. Вследствие их традиционного характера, они снижают сложность одного человека и его присутствия в мире для выбора черт и не создают полный облик отдельного человека. Они выступают своего рода допущениями для *homo absconditus*,

человека, не способного до конца себя осознать (Wulf 2013b). В десяти заповедях помимо прочего есть момент, запрещающий создавать человеку образ Божий. По аналогии мы сказали бы сегодня — от Другого да не будет образа. Образы и миметические процессы важны для нашего взаимоотношения с миром, с другими людьми и с нами самими. Критика образа требуется для того, чтобы избежать силу интерпретации образов и, в частности, человеческих. То же распространяется и на критический взгляд идей и образов, созданных в человеческих дискурсах. Мы должны опознать важность образа, мимесиса и воображения для развития воображаемого и для понимания человеческого существа.

ЛИТЕРАТУРА

Adorno, Th., W. (1984): *Aesthetic Theory*. Trans. C. Lenhardt. London: Routledge & Kegan Paul.

Belting, H. (2001): *Bild-Anthropologie. Entwürfe für eine Bildwissenschaft*. Munich: Wilhelm Fink.

Benjamin, W. (2006): *Berlin Childhood around 1900*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press

Benjamin, W. (1980a): «Über das mimetische Vermögen», in W. Benjamin, *Gesammelte Schriften*, vol. 2, bk. 1. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 210 ff.

Benjamin, W. (1980b): «Lehre vom Ähnlichen», in W. Benjamin, *Gesammelte Schriften*, vol. 2, bk. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 204–210.

Deutsche UNESCO-Kommission (2014): *Memorandum zum Post-2015-Prozess*.

Gebauer, G., Wulf Ch. (2018): *Mimesis. Arte, Cultura, Società, Bologna:...* (American translation. Berkeley: California University Press 1995).

Gebauer, G., Wulf, Ch. (1998): *Spiel, Ritual, Geste. Mimetisches Handeln in der sozialen Welt*. Reinbek: Rowohlt.

Hüppauf, B., Wulf, Ch. (eds.) (2009): Dynamics and Performativity of Imagination: The Image between the Visible and the Invisible. London, New York, New Delhi: Routledge.

Kontopodis, M., Varvantakis, Ch., Wulf, Ch. (ed.) (2017): Global Youth in Digital Trajectories. London; New York, and New Delhi. Routledge.

Kraus, A., Budde, J., Hietzge, M., Wulf, Ch. (ed.) (2017): Handbuch Schweigendes Wissen. Weinheim und Basel: BeltzJunventa, 2017.

Kamper, D. (1986): Zur Soziologie der Imagination. Munich: Hanser.

Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Körperwissen. Transfer und Innovation. 25 (2016) 1, ed. by Almut Barbara Renger, and Christoph «Wulf. Berlin: de Gruyter.

Tomasello, M. (1999): The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wulf, C. (ed.). (1995): Education in Europe: an intercultural task: Network Educational Science. Münster: Waxmann.

Wulf, Ch. (ed.). (1998): Education for the 21st century: commonalities and diversities. Münster: Waxmann.

Wulf, Ch. (Hg.) (2002): Cosmo, corpo, cultura Enciclopedia antropologica. Milano: Bruno Mondadori (deutsche Fassung: Der Mensch und seine Kultur. Hundert Beiträge zur Geschichte, Gegenwart und Zukunft des menschlichen Lebens. Köln: Anaconda 2010).

Wulf, Ch. (2009): Anthropologie. Geschichte — Kultur — Philosophie. Cologne: Anaconda (2nd Extended Edition, 1st Edition Reinbek 2004: Rowohlt).

Wulf, Ch. (2013a): Antropologia dell'uomo globale. Storia e conctti. Turino; Bollati Boringhieri (American translation; Anthropology. A Continental Perspective. Chicago: The University of Chicago Press).

Wulf, Ch. (2013b): Das Rätsel des Humanen. Eine Einführung in die historische Anthropologie. Munich: Wilhelm

Fink.

Wulf, Ch. (2014): *Bilder des Menschen. Imaginäre und performative Grundlagen der Kultur.* Bielefeld: Transcript.

Wulf, Ch. (2018): *Homo imaginationis. Le radici estetiche dell'antropologia storico culturale.* Firenze: Mimesis.

Wulf, Ch., Fischer-Lichte, E. (eds.) (2010). *Gesten. Inszenierung, Aufführung, Praxis.* München: Wilhelm Fink.

Wulf, Ch., and Zirfas, J. (eds.) (2007): *Pädagogik des Performativen. Theorien, Methoden, Perspektiven.* Weinheim, Basel: Beltz.

Wulf, Ch., Zirfas, J. (eds.) (2014): *Handbuch Pädagogische Anthropologie.* Wiesbaden: Springer Verlag Sozialwissenschaften.